

Александр НАЧИНКИН

Вехи памяти

Куда б ни пошел я, куда б ни поехал, куда б я ни бросил задумчивый взгляд, везде в моем городе памяти вехи картины минувших событий хранят. Хранят мое детство просторы проспектов, кричат под асфальтом тропинки мои. Метизный завод корпусами объектов на месте барачков, где жил я, стоит. От прошлого ответ разлит повсеместно, закованный в трубы зовет мой ручей, в нем слышится голос далекого детства, закроешь глаза — видишь лица друзей. Нас солнце-калило, а ветром студило, окрепнуть нам климат уральский помог. Дорожная пыль наши раны лечила на стертых подошвах босых детских ног. Блестящие рельсы стальных магистралей приносят забытое издали. Мне сердце тревожат окрестные дали, изгибы реки и ее берега. Горит новостройками город Урала, оконными стеклами солнце дробя. Рождается новый квартал за кварталом. И здесь моя память находит себя. Как все изменилось!

Но я, как и прежде, минувшее вижу нетронутым здесь. В роскошной, цветами расшитой, одежде от ветра вздыхает ковыльная степь. Теперь здесь дома, как дворцы и палаты, бегут этажами в небесную высь. Встают над прудом заводские громады и в ритме страны бьется города жизнь. Нигде не встречал я, как здесь, комбината, нигде не видал я такой красоты — в безмолвном величии трубы-солдаты дежурство несут, охраняя посты. Здесь ночи сгорают от зарева плавок, сливаются дни в огневой хоровод. О людях труда и о городе слава от края до края России идет. И снова я память до боли тревожу, встают, как живые, из детства друзья, мне тем и становится город дороже, что здесь наши жизни — друзей и моя. Куда б ни пошел я, куда б ни поехал, куда б я ни бросил задумчивый взгляд, везде в моем городе памяти вехи живут и о прошлом моем говорят.

Леонид ЧЕРНЫШОВ

Я все бегу, как добрый Айболит, кого-то выручать в жару и холод, хотя уж я по возрасту не молод, все меньше старость двигаться велит. И все-таки мне надо, жизнь любя, быть добрым до конца и терпеливым, и лишь тогда могу вполне счастливым считать себя.

Владимир ЕГОРОВ

АГИДЕЛЬ

Несется озорная Агидель, Весенними дождями наполняясь. Чтоб можно было летом через мель Промчаться порезвей, не спотыкаясь. Чтоб не прервала путь ее жара И чтобы Кама вдруг не загрузила, Торопится к ней младшая сестра, Освобождаясь от песка и ила.

Мне казалось, воздух падал Ниагарским водопадом. И с небесных круч летели Где-то за моим окном, Как апрельские капли, Звезды в рокоте ночном.

Андрей остановился у будки. Расстегнул комсомолку, сдвинул кепку на затылок. Увиденное было ошеломляющим. В привольной степи от горизонта до горизонта раскинулась стройка. Огромное пространство, очерченное всплесками далеких горных вершин, дышало пылью и гулом. Переплетения строительных лесов, обрамленные земляными валами котлованы, штабеля бревен и труб, горы кирпичи.

И всюду — люди. В непрерывном движении. Они, словно приросшие к тактам стерлингам, носились по деревянным эстакадам, мелькали у визжащих бетономешалок, сменяли друг друга у штабелей. Блестели от пота обнаженные спины в глубине траншей и котлованов.

Откуда-то вывернулись два парня и опустились на землю, лениво привалившись к будке, недалеко от Андрея.

— Ребята, где здесь комсомольский комитет отыскать?

Парни переглянулись, вприщур оглядели Андрея. — А для какой надобности комитет? — спросил один из них, плосколицый и костистый.

— Работать я приехал, обговорить надо, — охотно ответил Андрей. Плосколицый сплунул, процедил сквозь зубы: — Ишшо один антузиаст объявился.

Добавил бесцветным голосом:

— Сгинь отседова, лапоть, дело у нас.

Андрей натянул кепку на лоб, пристально оглядел обих.

— Понятно. Контроль, значит, недобитая, — в голосе зазвучала злая веселюшка. — А я Андрей Горский. Может, встретимся еще, — и зашагал на стройку.

Возле одной из бетономешалок ему объяснили, где найти комитет.

Деревянный вагончик встретил тишиной. За столом сидел молодой парень в ковбойке, в углу две девушки склонились над плакатом.

— Заходи, — сказал парень в ковбойке. Горский подошел к столу, поставил сундучок на пол, сказал:

— Приехал строить мировой гигант индустрии. Ставь на работу, секретарь. — Подал сверток с документами. Парень в ковбойке просмотрел документы, отдельно — комсомольский билет. Поднял глаза на Андрея:

— Вообще-то с оформлением не ко мне надо...

В это время вошел высокий, худощавый, с темным от загара лицом парень.

— Дело такое, Григорий, — обратился он к секретарю, — мы решили ввязать на соревнование бригаду Бровкина. Ребята вот прислали. Надо обсудить.

— Не надо, — ответил секретарь, — завтра выходишь на плотину. Райком партии считает строительство плотины сейчас первоочередной задачей. Десять бригад посылаем туда дополнительно. Проект договора на соревнование между правым и левым берегом уже составлен. Начинаем штурм объекта номер один. И вот еще, — встал из-за стола, собрал документы Андрея, — бери к себе еще одного комсомольца. Для усиления прослойки. Помогли оформить в конторе.

Оформление не заняло много времени. Когда вышли из конторы, Андрей уже знал, что черноволосяй парень — бригадир землекопов Иван Соловьев. По дороге Иван рассказывал о стройке, о работе, о бригаде.

— Здесь ребята такие, что хоть в огонь, хоть в воду. Работаем — на моры

не глядим.

Бригада Соловья работала в котловане. Взобралась на земляную насыпь, и Андрей посмотрел вниз: на дне котлована, на уступах работали землекопы.

— Давай, Андрей, начинай, — Иван слегка подтолкнул Горского, — работу здесь сегодня надо кончить. Завтра плотники придут. Становись вон, — и покавал в дальний угол.

Андрей поставил сундучок на землю, скинул рубаху и полез вниз. Добрался на втором уступе до указанного места. Там, над довольно большой уже кучей земли, накиданной снизу, трудился крепкий стриженный паренек. «Митроха я, — крикнул он, не отрываясь от работы, — а ты?» Андрей ответил и наклонился за лопатой. Привычно легли ладони на черенок. Встал поудобней, примерился и... забыл обо всем.

Этот день для Андрея закончился быстро. Бригадир с прорабом обошли котло-

верша. Наравне с мужиками на электростанции работает. Отец у нее комиссаром был. Двадцать шесть их было, комиссаров. Беляки всех разом кончили. — Задумался, тихо проговорил: — Слова-то какие, революция, комиссар. Аж мороз по спине.

Заскрипела дверь, с улицы протиснулись двое. Один тащил какой-то мешок. В свете керосиновой лампы Андрей узнал их — те, двое у будки. Плосколицый тоже узнал Андрея: «Гля, Киря, антузиаст здесь. Ишь, где столкнулись». Злобно пнул сундучок. «Убери с-под ног, курва, — и будто невзначай больно мазнул по лицу мешком. Митроха поднялся, но

рея бумагу на закрутку, скавал:

— Чтой-то ты, парень, о себе не расскажешь. Отец-мать есть?

— Были, — ответил Андрей.

— Что ж так? Померли, что ль?

— Кулаки растерзали. Мать — сразу, а отец жил еще неделю. Теперь вот я один.

— Нда, — качнул головой Ерофей, — и посейчас еще не всех гадов вывели. У нас вот тоже...

— Выведем, — хмуро прервал его Андрей, — на ноги крепче встать надо. Завод построить.

При этом разговоре вновь

ТАКАЯ БЫЛА РАБОТА

Станислав ЗАЛЬМУЛИН — РАССКАЗ

ван. «Шабаш», — махнул рукой Соловей, и землекопы, подхватив инструмент, полезли наверх. Андрей тоже выбрался, раскопав свой сундучок и натянув рубаху на безвольное от усталости тело. Кто-то толкнул его в бок. Обернулся. Иван с Митрохой.

— Ладно работаешь, Андрей, — Иван улыбнулся. — Пошли, с бригадой познакомимся.

Когда с шумом ввалились в барак, Андрей уже чувствовал себя среди своих.

Барак был большой, на сорок человек. По бокам тянулись двухъярусные нары. Справа от двери — длинный стол, две скамейки. Посредине упиралась в потолок круглая печь, обитая железом. Быстро соорудили топчан для Андрея, приткнули его к задней стене. Хлопнули Горского по плечу — обживайся.

— Завтра на плотину, мужики, — неторопливо говорил Иван, — там бригада Шаханова работает. С ними тягаться — придется попотеть.

— А ништо, — откликнулся кто-то, — Андруха-то сибирик. А сибирские, они ни работы, ни девок не боятся.

Хохотнули весело.

Постепенно барак затихал. Пришли плотники, жившие здесь же, но и они быстро утихомирились. Андрей присматривался, думал. «Главное — ребята стоящие. Поживу, а там поглядим». Достал из сундучка каравай хлеба, три луковицы, шматок сала. Поискал глазами Митроху. Но тот уже сам шел к нему с двумя кружками кипятку и куском сахара. «Давай, Андрей, пощечком брюхо на ночь». Увидел снесь на топчане: «Во, это мужской разговор!». Пока ели, прихлебывали кипяток, Митроха рассказывал о плотине:

— Сейчас это самый важный участок. Все силы туда. Вчера в газетке обращение райкома партии к рабочим было напечатано. Кровь из носу, а плотину к зиме выстроить. Иначе все строительство задержится. А народ здесь — все может. Есть, конечно, разные. Тут вот уж третий день двое гостуют, — кивнул в сторону соседних нары, — в бригаде записаны, а в работе их не видали. Кулачье, судя по всему.

Стал крутить сигарку. — Начальник на комсомольском собрании о многих рассказывал. Ивана нашего хвалил. Говорил о комсомолке одной. Инже-

Андрей опередил его. Сгреб плоскокороего за рубаху у горла, правой рукой — за штаны оторвал от пола, проше до двери и тычком выбросил наружу. Обернулся на быстрый топот и бросился в ноги второму. Резко встал. Митроха уже сидел на спине у парня и рвал из руки у него гирьку на коротком ремешке. Андрей отстранил Митроху, рывком за шиворот поднял лежащего, бегом вывел на улицу, развернул лицом к себе и ударил в челюсть. Парень опрокинулся на спину, но тут же поднялся. Первый, согнувшись, стоял у стены.

— Еще встречу, — тихо и зло проговорил Андрей, — приходи окончательно.

Митроха швырнул им вслед мешок. Вернулся в барак. Кто-то из мужиков не спал, сказал уважительно Андрею: «Сурьезный ты, паря. Давно бы так с имя».

Утром бригадир разбудил всех рано. Собрались молча, не суетясь. Вместе со всеми вышел Андрей. Огляделся. Стройка уже не казалась незнакомой, как вчера. У палаток и барачков толпились люди, разогнали инструмент. Поспешая, двинулись к плотине. Там, у бетоновозной эстакады, собрались строители. Начинаясь митинг. Слышно было плохо, но главное Андрей понял: если строить плотину в запланированные сроки, то основному строительству придется очень туго без больших запасов воды.

«Крепко тут работу закрутили, — думал Андрей, — нужда, значит, большая в этом заводе. Ну, работнем, раз надо».

Митинг был коротким. Последний выступающий, Андрей узнал комсомольского секретаря, вскинул над головой сжатый кулак: «Даешь плотину!» «Даешь!» — рванулся воздух от сотен голосов.

Бригада Соловья была направлена на рытье котлованов под «бычки» плотины. Иван разделил бригаду на пятерки, прораб Левин покавал, где расставить людей, и началась работа. Яростные трудовые дни.

В своей пятерке Андрей был самым молодой, и в редкие минуты отдыха помалкивал, не вмешиваясь в разговоры мужиков. Те толковали о жите-быте, о будущем да о прошлом. Как-то Ерофей Самаркин, самый старший мужик, взяв у Анд-

навалилась на Андрея старая отчаянная боль — смерть родителей. С матерью тогда не успел проститься — в тайге был, а отца застал еще живым. Отец при последнем разговоре с сыном сказал с горечью: «Эх, сынок, один остаешься. Лютует кулачье. Да власть наша крепкая. Держись ее, сынок. Помни, однако, что и она нашими ялечами держится».

Работали ожесточенно. По десять-четырнадцать часов не уходили с плотины. Сроки поджимали, приближалась зима. И когда уже падали с последним броском лопаты, бригадир кричал «Шабаш». Приходили в барак, бросали инструмент, ужинали, валились на нары.

Андрей тоже смертельно уставал, но всегда первым вылезался и воды натаскал и дров заготовил. Ночами в барачке уже было холодно. Часто оставался с Иваном на плотине после ухода бригады. Обходили фронт работ, решали, как лучше завтра организовать дело.

В один из таких дней случился срыв. Бригада только что пообедала, и все стали расходиться по своим местам. Вдруг Ерофей Самаркин швырнул лопату.

— Да провалился эта прелекая работа. Жилы рвем, сдыхаем, а чего ради? Лошадь мы, что ль? Свету не видать. — И пошел в сторону барака. Нескольким человеком двинулись за ним. Бригадир размышлял о чем-то, глядя им вслед, комсомольцы топтались в нерешительности, не зная, как остановить. Андрей понял, что дело может кончиться плохо.

— Погодь, Ерофей! — Самарин остановился. — Что ж ты, Ерофей, силу-то свою расслабил. Сам говорил давеча, что по нынешним временам без трактора в деревне не прокормиться. А где их взять, трактора-то? Заводы останавливаются от нехватки железа, слышал, небось. Вот и рвем мы здесь жилы, чтоб железо это самое дать заводам. А бросим все — кто ж оделает? Фонабарон, что ли? Твоя Анна так и будет на себе соху таскать. — И добавил тише: — Как же по-другому, Ерофей Степанович?

— Ладно, — сказал подошедший Иван, — пусть пока отдыхают. А мы с комсомольцами закончим, что сегодня начали.

Андрей остался один в своем котловане. Но тут же к нему спрыгнули Семен Ча-

(Окончание на 4-й стр.)